

На правах рукописи

ЛЕВЧЕНКО Екатерина Николаевна

**СТАНОВЛЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИИ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА
(НА ПРИМЕРЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ НАРА)**

**Специальность: 10.02.22 –
Урало-алтайские языки**

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2013

Работа выполнена в Отделе языков народов Азии и Африки Федерального Государственного Бюджетного Учреждения Науки «Института Востоковедения Российской Академии Наук»

Научный руководитель: член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор
Алпатов Владимир Михайлович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор учебно-научного центра лингвистической типологии Института Лингвистики РГГУ
Подлесская Вера Исааковна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры японской филологии
ИСАА МГУ
Стругова Елена Викторовна

Ведущая организация: Федеральное Государственное Образовательное Бюджетное Учреждение Высшего Профессионального Образования «Московский Государственный Институт Международных Отношений Министерства Иностранных Дел Российской Федерации»

Защита состоится «21» мая 2013 г. в 14:00 часов на заседании диссертационного совета Д 002.006.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук при Институте Языкознания РАН по адресу: 125009, Москва, Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Института Языкознания РАН

Автореферат разослан « » апреля 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

доктор филологических наук

Е. К. Молчанова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность темы исследования.

Состояние лингвистики на современном этапе ее развития характеризуется пристальным вниманием к историческому аспекту фразеологической системы языка. Обращение лингвистов к исследованию сущности и природы фразеологии объясняется их стремлением к изучению фразеологической системы языка исторически. Исторический подход к структуре словосочетания дает возможность не только отграничить фразеологические единицы от свободных синтаксических сочетаний, и тем самым область фразеологии от синтаксиса, но и объяснить изменения в структуре предложения и его компонентов, связанные с историей словосочетания в данном языке. При установлении общих закономерностей развития фразеологии японского языка, бесспорно, важно опираться на исследование конкретных исторических путей развития фразеологии. Для истории фразеологии японского языка большой интерес представляет изучение фразеологического материала в отдельные, особенно важные периоды развития языка, что позволяет более глубоко понять фразеобразовательные процессы, происходящие в современном японском языке. Выявление и исследование закономерностей формирования и развития новых фразеологических образований предполагают решение вопроса об источниках этих образований. Нерешенность многих вопросов из области современной фразеологии, малая изученность фразеологии прошлого делает **актуальным** исследование, посвященное процессам становления и функционирования устойчивых и/или идиоматических сочетаний слов в первых письменных памятниках японского языка. В работе рассматривается функционирование фразеологизмов в песнях памятников письменности японского языка эпохи Нара (710-794 гг.) «Кодзики» (712 г.) и «Нихон Сёки» (720 г.). Рассматриваемые песни перенесены авторами памятников из народного творчества и являются составной частью нарратива.

Объектом настоящего диссертационного исследования является язык песен в памятниках письменности эпохи Нара, а именно песен «Кодзики» и «Нихон Сёки».

Предметом данного исследования являются фразеологические единицы, функционирующие в песнях указанных письменных памятников эпохи Нара.

Целью нашей работы является, прежде всего, выявить и проанализировать структурно и семантически фразеологизмы в названных выше памятниках письменности эпохи Нара.

Выдвигаются следующие **задачи** исследования:

- 1) Определить подход к толкованию фразеологической единицы среди различных подходов, который возможно использовать для работы с материалом древнеяпонских песен.
- 2) При помощи такого подхода выявить фразеологизмы в памятниках письменности японского языка эпохи Нара.
- 3) Выделенные фразеологизмы сгруппировать по типам, выделенным на основе используемого в работе определения фразеологической единицы.
- 4) Определить наиболее характерный для песен «Кодзики» и «Нихон Сёки» тип фразеологических единиц.
- 5) Выделенные фразеологизмы свести в семантические группы по определенным семантическим признакам.
- 6) Сделать сравнительный анализ фразеологизмов песен «Кодзики» и песен следующего письменного памятника «Нихон Сёки».

Памятники письменности всегда дают большие возможности для изучения языка, в частности, для изучения лексики и фразеологии. Благодаря им нам предоставляется уникальная возможность поставить в непосредственную связь лексику современного языка с отражением живой народной речи в документах и памятниках письменности древней эпохи.

Исследования памятников пополняют сведения об истории слов, выражений, обогащают наши знания о словарном составе, о словарном богатстве языка. Каждый письменный памятник прошлого, становящийся достоянием научной общественности – большое культурно-историческое, историко-филологическое событие [Ларин 1977: 125].

Как уже говорилось выше, материалом для исследования послужили песни, входящие в состав письменных памятников древнеяпонского языка эпохи Нара, а именно «Кодзики» и «Нихон Сёки». Данные памятники рассматриваются в работе отдельно друг от друга, дается сравнительный анализ их фразеологического состава, поскольку существует точка зрения, что несмотря на множество точек соприкосновения, налицо существенные отличия между ними. Крупный японский исследователь Коноси Такамицу считает, что «Кодзики» и «Нихон Сёки» отражают разные философии мира, разные матрицы бытия и в центр ставят разных богов [Коноси Такамицу 1983: 23]. Поскольку культура Нара разнородна, в некотором смысле мультикультурна, то в нашей работе предпринимается попытка дать ее разностороннее отражение. Среди исследователей также существует точка зрения, что в «Нихон Сёки» отражены мифологические комплексы разных родов, пришедших на Японские острова в разное время и из разных мест, то есть налицо различные культурные типы, о чем подробно пишет Л. М. Ермакова в исследовании-предисловии к «Нихон Сёки» – «Нихон сёки – культурный полицентризм или выбор культуры» [Анналы Японии 1997,

т.1: 17].

Весь корпус материала составляют 239 песен, входящих в состав двух указанных памятников. Выбор текстов в качестве материала для анализа обусловлен особенностями составления и письменного языка текстов древних памятников. Критерии отбора материала для анализа обоснованы тем, что песни, являясь частью народного фольклора, перенесены на бумагу из устного творчества. В песнях «Кодзики» и «Нихон Сёки» используются лексемы японского языка, в отличие от нарратива памятников, где наблюдается сильная интерференция китайской культуры. Язык песен очень архаичен, судя и по системе написания, и по грамматической структуре [Vovin 2005: 2].

Изученность проблемы.

Для решения указанных задач и цели исследования, прежде всего, необходимо дать определение и описать типологию фразеологических единиц, которые используются для анализа выражений песен «Кодзики» и «Нихон Сёки». Только «русская фразеология» насчитывает несколько фразеологий с различными предметами рассмотрения [Телия 1996: 55]. Классическими являются работы В. В. Виноградова, которые в свое время явили новый подход к описанию явлений фразеологии в отечественном языкознании. В основу семантической классификации В. В. Виноградова были положены виды значения слова. В. В. Виноградов выделил по степени мотивированности два типа единиц: фразеологические сращения и фразеологические единства, а на основе особенностей сочетания еще один тип – фразеологические сочетания [Виноградов 1977: 51].

В противовес этому И. Е. Аничков утверждает, что в языке нет абсолютно свободных словосочетаний, есть только словосочетания более или менее связанные. «Идиоматику я определяю как науку о сочетаниях слов в отличие от синтаксиса, рассматривающего сочетания форм слов... Сочетаемость слов в отдельных языках определяется не столько логикой, общей для всего человечества, и не столько психологией, сколько обычаем...» [Аничков 1997: 103].

«В каждом языке словам свойственно вступать в определенное число обычных или устойчивых сочетаний. Общее число существующих или наличных устойчивых сочетаний для каждого языка хотя и очень большое, но не бесконечное, ограниченное и, вопреки обычному представлению, не необъятное» [Аничков 1997: 104].

В работах А. И. Смирницкого и вслед за ним в исследованиях О. С. Ахмановой, поддержавшей его теорию, намечено направление исследований по фразеологии в сторону изучения лексической сочетаемости. Развивая идеи А. И. Смирницкого, О. С. Ахманова считает идиоматичность критерием для разграничения фразеологических единиц и свободных словосочетаний. У первых «цельность номинации «довлеет над структурной раздельностью» [Ахманова 2009: 189]. Автор включает в сферу фразеологи-

ческого материала не только «собственно фразеологизмы» - сложные комплексные эквиваленты слова, но и все «лексические контексты», в которых реализуются фразеологические, в смысле А.И. Смирницкого, связи (фразеологическая сочетаемость – всякая сочетаемость слов, вызванная особенностями лексической семантики компонентов и отличная от синтаксической сочетаемости).

В. Л. Архангельский при изучении устойчивых фраз (фразеологических образований, имеющих форму предложения), рассматривает устойчивые сочетания вообще. «Фразеологическая единица – существующая в языке на данном этапе его исторического развития постоянная комбинация словесных знаков; предельная и целостная; воспроизводимая в речи его носителей; основанная на внутренней зависимости членов; состоящая минимум из двух, строго определенных единиц лексического уровня, находящихся в известной последовательности; грамматически организованная по существующим или существовавшим моделям словосочетаний или предложений; обладающая единым значением, в разной степени комбинированным в отношении к значениям сочетавшихся элементов, но стабильными в отношении означаемого или выражаемого» [Архангельский 1964: 91].

Важное значение для разработки общей теории фразеологии имеют исследования Н. Н. Амосовой. Фразеологический материал английского языка изучается ею с позиций контекстологического анализа.

Структурно – семантическая классификация, предложенная А.В. Куниным для типологии фразеологических единиц, основана на обусловленности значения фразеологических единиц их структурой, функцией в речи и типом зависимости компонентов.

В. Н. Телия рассматривает фразеологизмы с культурологической и прагматической позиций.

Рассмотрев подходы к определению и типологии в отечественной фразеологии, мы можем видеть, что четкой и единой трактовки понятия фразеологизм нет.

Помимо этого рассмотрены подходы японских (Окуда Ясуо; Мацумото Хиротакэ; Сюдо Косё; Сираиси Дайдзи), европейских (Балли; А.У. Коуи) и американских (П. Кэй, С. Дж. Филлмор, М. С. О'Коннор; Джордж Лакофф; Рональд Лангакер; Рэй Джекендофф; Элис Дэйгнэн; Дж.Нунберг) авторов, в которых наблюдается некоторая непоследовательность при проведении классификации типов фразеологизмов и нечеткость выделения соответствующих критериев, что затрудняет их использование для решения задач данной работы.

К песням «Кодзики» и «Нихон Сёки» нами было применено определение и типология фразеологических единиц, как они трактуются в подходе И. А. Мельчука и вслед за ним в работе Е. В. Струговой, что делается впервые. Особенностью исследований И. А. Мельчука является то, что он не только анализирует несвободные сочетания, т.е. рассматривает связь

значений компонентов словосочетаний с его общим значением, но и синтезирует их, т.е. при помощи определенного метода конструирует выражение для того или иного значения. В плане анализа выделяются два независимых признака несвободных словосочетаний: идиоматичность и устойчивость.

И. А. Мельчук дает следующее определение идиоматичности: «Сочетание является идиоматичным, если и только в него входит хотя бы одно такое слово, которому при переводе сочетания в целом пришлось бы приписывать переводной эквивалент, возможный для данного слова только при появлении этого слова одновременно со всеми остальными элементами сочетания (в определенном порядке), причем данное слово может встречаться так же и без остальных элементов и имеет тогда другой перевод» [Мельчук 1960: 76].

Другим признаком несвободных сочетаний является их устойчивость. Этот термин употреблен И. А. Мельчуком в необычном смысле, отличном от того, в каком он употребляется в других исследованиях по фразеологии, где понятие устойчивости может включать и понятие идиоматичности, и свойство воспроизводимости, и вообще специфику единиц фразеологии. И. А. Мельчук вводит понятие устойчивости в два этапа:

- 1) Устойчивость сочетания относительно данного элемента – вероятность, с которой данный элемент предсказывает совместное появление в определенном порядке остальных элементов рассматриваемого сочетания;
- 2) Устойчивость сочетания – это устойчивость сочетания относительно элемента, имеющего наибольшую устойчивость [Мельчук 1960: 76]

На основании признаков ФЕ, выделяющих ФЕ из массы свободных сочетаний, проф. Мельчук дает три основных типа ФЕ:

1. Идиоматически устойчивые
2. Идиоматически неустойчивые
3. Неидиоматически устойчивые

Здесь хотелось бы заметить, что все спорные моменты анализа структуры, образности и значения выражений песен древнеяпонских памятников автор, не являющийся носителем языка, обсуждал с профессором Международного Исследовательского Центра Японской Культуры (г. Киото) «日 文 研» Араки Хироси, фрагменты исследования обсуждались с почетным профессором Токийского Университета, специалистом по древнеяпонской литературе, Тада Кадзуоми. Диссертация выполнена во многом благодаря консультациям доктора филологических наук, почетного профессора Муниципального Университета иностранных языков г. Кобэ, Л. М. Ермаковой.

Методологической основой исследования стали работы прежде всего отечественных японоведов Е. В. Струговой, С. А. Быковой; лингвистов, связавших свои исследования с историей японского языка, – Е. Д. Полива-

нова, Е. М. Колпакчи, Н. И. Конрада, Н. А. Сыромятникова, К. А. Попова, С. А. Старостина и литературоведов А. Е. Глускиной, Л. М. Ермаковой, И. А. Борониной, Е. М. Дьяконовой. Среди работ по рассматриваемым памятникам на английском языке были использованы исследования Дональда Филиппая, Дзинъити Кониси, Кристофера Сили, Эдвина Крэнстона, Александра Вовина, Харуо Сиранэ, Бьярке Фреллесвига. На японском языке в области исследования материалов древнеяпонского языка были использованы труды Цутихаси Ютака, Наканиси Сусуму, Канэко Ёсимицу, Курано Кэндзи, Огивара Асао, Иэнага Сабуро, Цукисима Хироси, *что касается исследований по фразеологии родного языка, то здесь нельзя не отметить работы Сираиси Дайдзи и Миядзи Ютака.*

Основные положения, выдвигаемые на защиту:

- Данное в рамках одного из значимых подходов к определению фразеологизмов определение приложимо к текстам древнеяпонских памятников.
- Следующая из определения типология фразеологизмов применима к фразеологическим сочетаниям песен «Кодзики» и «Нихон Сёки», среди которых можно выделить идиоматически устойчивые, идиоматически неустойчивые и неидиоматически устойчивые сочетания.
- Среди идиоматических выражений в песнях «Кодзики» и «Нихон сёки», выделенных на основе соотношения между разными типами значений, наиболее многочисленными являются идиоматически неустойчивые сочетания.
- В большинстве выделенных идиоматически неустойчивых сочетаний песен «Кодзики» и «Нихонсёки» сохранен образ, то есть легко просматривается метафора.
- Семантически фразеологические сочетания песен «Кодзики» и «Нихонсёки» можно свести в определенные группы.
- Выделенные и проанализированные сочетания могут служить основой для анализа истории фразеологии японского языка.

Научная новизна данной работы состоит в том, что:

1. Здесь предпринята попытка применить исследования отечественных ученых и принятые в русской лингвистической традиции определение и типологию фразеологизмов к выражениям древнеяпонских письменных памятников.
2. В разработке исторически-сравнительного направления в изучении фразеологии на материале письменных памятников древнеяпонского языка. В данной работе изучается фразеологический материал японского языка от первых письменных памятников. Это позволяет проследить динамику процессов формирования устойчивых сочетаний,

тенденции стабилизации определенных их видов и видоизменения или ухода других видов из языка.

Источники исследования. Материалом для исследования послужили песни, входящие в состав письменных памятников древнеяпонского языка эпохи Нара (710-794 гг.), а именно «Кодзики» (712 г.) и «Нихон сёки» (720 г.). Данные памятники рассматриваются в работе отдельно друг от друга, дается сравнительный анализ их фразеологического состава, поскольку существует точка зрения, что несмотря на множество точек соприкосновения, налицо существенные отличия между ними, о чем говорилось выше.

Как уже говорилось выше, весь корпус материала составляют 239 песен, входящих в состав двух указанных памятников.

Теоретическая значимость работы проявляется в демонстрации универсального характера теоретических разработок отечественных ученых (в данном случае И. А. Мельчука и Е. В. Струговой). Успешное их применение для материала типологически отличного языка обогащает одновременно и русскую лексикологическую школу и делает вклад в японоведение.

Практическая ценность работы исследования определяется ее прикладным характером – результаты исследования могут быть использованы в процессе профессиональной подготовки лингвистов-востоковедов, в практике преподавания японского языка, истории японского языка, истории литературы японского языка, в теоретических и практических курсах лексикологии и стилистики японского языка.

Структура и объём работы. В соответствии с целью и конкретными задачами исследования данная работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и трех приложений. Первое приложение содержит сводные таблицы существующих литературных переводов песен «Кодзики» на русский и английский языки. Переводы песен взяты из опубликованных переводов памятников на русском языке, сделанных проф. Е. М. Пинус, проф. Л. М. Ермаковой и проф. А. Н. Мещеряковым [Кодзики 1994]. На английском языке существует несколько переводов как самих «Кодзики», так и только песен. Здесь использован признанный специалистами классическим перевод «Кодзики» Дональда Филиппа [Donald L. Philippi 1969]. Второе и третье приложения содержат собственный перевод песен древнеяпонских памятников «Кодзики» и «Нихон Сёки», поскольку использование литературных переводов для целей работы представляется затруднительным в виду их литературной адаптации. По этой причине автором были сделаны практически дословные переводы всех песен «Кодзики» и «Нихон Сёки», что в дальнейшем может служить материалом для создания сборника древнеяпонских песен.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ

Во введении определяются объект, предмет, цель и задачи предпринятого исследования, дается обоснование его актуальности и научной новизны, излагаются теоретические и методологические принципы исследования, формулируются выносимые на защиту основные положения, теоретическая и практическая значимость работы и т.д.

Первая глава «К определению понятия «фразеологизм»» содержит теоретические положения, на которых построено исследование.

Исследователи фразеологии, как правило, достаточно четко выделяют из языкового материала образования, по форме совпадающие со словосочетанием, но обладающие неделимым значением. Эти образования либо признаются единственно достоверными фразеологизмами по сравнению с теми, где как в структуре, так и в значении сохраняются частичные признаки словосочетания, либо отграничиваются от последних, представляющих тогда определенный тип фразеологизмов. Среди этих сочетаний, сохраняющих свою связь с исконным словосочетанием, встречаются такие, у которых связь между словами создается нетиповыми правилами сочетаемости лексем (А.И. Смирницкий, О.С. Ахманова). Поэтому представляется, что разнообразный фразеологический материал целесообразно описывать в терминах «идиоматичность» (которая предполагает наличие неразрывной семантической связи между элементами фразеологизма) и «устойчивость» (которая характеризует определенные случаи лексической сочетаемости) так, как их понимает И.А. Мельчук и вслед за ним Е.В. Стругова [Стругова 1974:51].

В используемом определении представляются ключевыми следующие моменты. Во-первых, указание на специфический переводной эквивалент не является свидетельством того, что в любом идиоматическом сочетании существует слово, имеющее специфический переводной эквивалент или, как его еще называют, «единичный перевод». Единичный перевод может быть приписан всему сочетанию или одному из его компонентов практически произвольно. Во-вторых, в этом определении содержится требование, чтобы единичный перевод приписывался слову только в случае его совместной встречаемости с другими словами. Оно необходимо для выделения тех идиоматических сочетаний, которые являются составными частями более сложных составных единиц. В-третьих, замечание, что слово с единичным переводом может встречаться вне идиоматического сочетания (и с другим переводом) позволяет отличить идиоматические сочетания от неидиоматических с очень высокой степенью устойчивости. Например, *перемывать косточки* – идиоматическое сочетание, а *вопиющая несправедливость* – устойчивое неидиоматическое, так как слово «вопиющая» встречается в нескольких вполне определенных сочетаниях, и имеет не единичный, а единственный перевод, однозначный во всех сочетаниях «очень» [Мельчук 1960: 75-76].

Другое определение, предложенное И. А. Мельчуком, предполагает равенство означаемого суммы сумме означаемых. Означаемое – некоторая смысловая запись значения данного слова или словосочетания [Мельчук 1968: 52].

Идиоматичность имеет градации. Так, возможны безусловные идиомы, когда значение сочетания в целом не имеет ничего общего с суммарным составляющим элементов. Полярное положение занимают по отношению к этим безусловным идиомам такие сочетания, где значение в целом включает значение обоих компонентов, но с некоторым регулярным изменением, когда к суммарному значению присоединяется некоторый добавочный смысл. Между этими двумя случаями находится масса промежуточных, среди которых автор отмечает те сочетания, где в общем значении сочетания значение одного из элементов присутствует в неизменном виде, а у другого в данном идиоматическом сочетании реализуется его связанное (фразеологически связанное по В. В. Виноградову) значение. Например, выражение «белые пятна» может использоваться действительно в разговоре о пятнах, но вовсе не белого цвета или в речи соотноситься с понятием какого-либо упущения, неизвестности. Независимо от степени их идиоматичности все идиоматические сочетания обладают одним характерным признаком – значение сочетания в целом не складывается из значений составляющих элементов, и поэтому, чтобы их понять, их следует анализировать целиком.

Другим признаком несвободных сочетаний является их устойчивость. Этот термин употреблен И. А. Мельчуком в необычном смысле, отличном от того, в каком он употребляется в других исследованиях по фразеологии, где понятие устойчивости может включать и понятие идиоматичности, и свойство воспроизводимости, и вообще специфику единиц фразеологии. Сочетание АВ полностью устойчиво в данном языке, если невозможно сочетание АХ, где Х не В. В класс устойчивых сочетаний попадают содержательно очень разные образования. Устойчивость, например, сочетания «щурить глаза» вызвана ограниченной сочетаемостью реальных явлений, так как щурить можно только глаза.

Подобно идиоматичности устойчивость имеет градации.

Утверждая, что данное сочетание идиоматическое, мы утверждаем, что какие-то определенные слова (компоненты этого сочетания) могут встречаться вместе, и тогда это сочетание имеет особое значение, не выводимое из значений его компонентов.

Зная, что данное сочетание является устойчивым, мы знаем, что оно содержит слово, которое встречается только вместе с другими элементами данного сочетания, но как это влияет на значение сочетания, остается неизвестным. Таким образом, независимость указанных признаков позволяет выделить следующие классы несвободных сочетаний.

1) Идиоматически устойчивые: попасть впросак, нести ахиною

2) Идиоматически неустойчивые: девичья память, обвести вокруг пальца

3) Неидиоматически устойчивые: оскалить зубы, трескучий мороз

Эти два признака описывают не все множество несвободных сочетаний. Неустойчивые неидиоматические сочетания и тем не менее несвободные сочетания составляют обширный класс, например, *играть комедию*, коллокации. Как правило, такие сочетания понимаются без труда, буквально. Однако построить такое сочетание, не зная его целиком, человек, не являющийся носителем данного языка, не может. Часто про подобные сочетания говорят, что они воспроизводятся в речи как готовые единицы. Н. Н. Амосова предлагает называть сочетания такого типа «единицами узואально ограниченного контекста [Амосова 2010: 69].

Признак устойчивости (определение И.А. Мельчука) характеризует значение фразеологизма односторонне, так как ничего не говорит о связи значений, а указывает только на совместную встречаемость слов. Ограниченная сочетаемость одних может быть вызвана их узким значением, отражающим ограниченную сочетаемость реальных явлений. Например, *высморкать нос* или *таращить глаза*.

Ограниченная сочетаемость других не связана с их значением, а вызвана специфическими правилами сочетаемости слов. Например, *мертвецки пьян*, *заклятый враг*.

Опираясь на теоретический материал трактования терминов идиоматичность и устойчивость, среди фразеологизмов японского языка нами будут рассматриваться словосочетания, обладающие хотя бы одним из признаков – идиоматичностью или устойчивостью, которые сводятся в следующие три типа:

1) Идиоматически устойчивые

2) Идиоматически неустойчивые

3) Неидиоматически устойчивые [Стругова 1974: 68]

Е. В. Стругова элементы фразеологизма, могущие изменением формы или при помощи других способов (например, присоединяя различные послелогии) выражать отношение и связь фразеологизма со словами в предложении, называет стержневыми.

Рассмотренный подход к выделению фразеологизмов позволит проанализировать идиоматические и устойчивые сочетания песен древнеяпонских памятников наиболее полно. Выделенные сочетания представляется возможным подвергнуть типологии, а также проанализировать структурно и семантически.

Семантический анализ выделенных на основании соответствия основным признакам фразеологизма сочетаний будет проходить в соответствии с выделением трех компонентов значения сочетаний – денотативного, коннотативного и сигнификативного, что дает нам возможность показать

отражение культуры, традиция и верований древних японцев во фразеологизмах.

Исследователь фразеологии прошлого лишен непосредственного чувства языка, от которого он отделен рядом веков. Выделение устойчивых сочетаний слов, особенно фразеологизмов, в памятниках письменности представляет большие трудности для исследователя, поскольку он активно не владеет этим языком. Поэтому изучение исторической фразеологии требует методики при выборке материала. Нельзя выбирать из текстов памятников отдельные выражения как фразеологические единицы, поскольку мы не чувствуем их семантическую специфику так, как ощущаем это в современном языке.

Исследователи исторического материала обычно также выборочно извлекали определенные сочетания слов как ФЕ из памятников письменности прежде всего по принципу их повторяемости в текстах. Но, этот подход неправомерен, так как при такой выборке можно потерять единичные, почему-либо не повторившиеся в текстах выражения фразеологического характера. [Костючук 1983: 47] Так, при таком подходе от исследователя может ускользнуть такое яркое метафорическое сочетание, как *Нуэкуса но мэ* – женщина - слабая трава (Приложение 2, стр. 394). Данное выражение употреблено во фразе: *Nuue-kusa no Me ni si areba* Я женщина - слабая трава, при ответе принцессы Нунакавахимэ на песню бога Ятихоко. Хотя это выражение не повторяется, но его образность свидетельствует о метафоризации, причем здесь раскрывается один из путей, ведущих к метафоризации: сочетание *слабая трава* со словом *женщина* не позволяет понимать *слабая (трава)* в его буквальном смысле. И, наоборот, при выборочном извлечении словосочетаний из памятников по принципу повторяемости выражений есть опасность отнести к фразеологии то, что ею не являлось. Например, в песнях Кодзики часто повторяется сочетание *Uchite shi uatami* – Так нападём, в песнях 11, 12, 13 и 14 (Приложение 2, стр. 405), которое не имеет отношения к фразеологии и устойчиво по совершенно иным причинам.

Итак, исследователь исторической фразеологии сталкивается, прежде всего, с проблемой обнаружения фразеологизмов в памятниках письменности, с проблемой отбора фразеологического материала, который может быть объектом исследования. Только после этого можно изучать фразеологические единицы прошлого. Следовательно, уже на этапе выборки материала приходится проводить специальное исследование.

Нужна прежде всего методика вычленения того материала из памятников письменности, который подлежит изучению. Мы использовали теоретическую базу исследования фразеологизмов, разработанную И. А. Мельчуком для нужд машинного перевода. Определения, данные исследователем, применены для выражений песен «Кодзики» и «Нихон Сёки». Особенностью типологии, предложенной И. А. Мельчуком много лет назад,

является ее широта и точность данных описаний. Эта методика не позволяет упустить необычное в семантических отношениях между компонентами словосочетаний, находящихся в центре или на периферии поля устойчивости.

В языке могут быть сочетания слов, свободные в семантическом плане (в них отсутствует целостное значение), но устойчивые по традиции воспроизведения их с определенным лексическим составом; причины устойчивости таких выражений бывают различными. Устойчивость сочетаний слов может создаваться разными факторами. Например, моносемичное или многозначное слово имеет очень узкую сочетаемость (у него проявляется фразеологически связанное значение: окладистая борода, заглавная буква); слово приобретает переносное (голубые мечты) или производно-номинативное значение в сочетании с определенным кругом слов (глубокая старость). Но в каждом из этих случаев общий смысл выражения проистекает из значений составляющих его компонентов.

Нам представляется необходимым рассматривать фразеологизмы как особое явление на фоне ряда других устойчивых сочетаний слов и в тоже время изучать устойчивые сочетания слов в противопоставлении переменным сочетаниям.

В определенных жизненных ситуациях связи каких-то явлений, действий могут систематически повторяться. Поэтому их обозначение становится более частотным, привычным в текстах памятников [Телия 1996: 36]. Исследование слов в памятниках письменности позволило обнаружить такую группу выражений, устойчивость которых обусловлена использованием их в качестве трафаретов при изображении общих повторяющихся ситуаций. Например, в песне 28 1) 夜須美斯志 2) 和賀意富岐美 1) *Yasumishishi* 2) *Wa ga o:kimi* 1) Правящий мирно 2) Великий государь *Yasumishishi* – глагол – правящий мирно, мудро

Wa – личное местоимение – я

Ga – показатель именительного падежа

O: – прилагательное – большой

Kimi – существительное – государь

Хвалебная формула, воспевающая императора. Использована в песнях №№ 28, 66, 97, 98, 104. В качестве устойчивой формулы должно рассматриваться целиком. Выражение устойчиво, однако, не имеет признаков идиоматичности.

Глагол *yasumishishi* *мирно правящий* не употребляется вне рассматриваемого контекста. Прилагательное *O:* употребляется в прямом значении в песнях 11, 60, 61, 63, 88, 104. Лексема *kimi* *государь* употребляется множество раз в песнях «Кодзики» в песнях 8, 29, 51, 57, 65 и т.д. Интересно, что во многих случаях существительное *kimi* *государь* употребляется вместе с прилагательным *oo* *большой*: из 16 случаев употребления лексемы «государь» 6 из них сопровождается употреблением прилагательного «боль-

шой». Еще в 5 случаях мы видим, что все сочетание *великий господин* сопровождает сочетание *правлящий мирно*. Таким образом, сочетание *правлящий мирно* предсказывает употребление *великий господин*. Данное выражение устойчиво по причинам отличным от идиоматичности.

Таким образом, в первой главе был обоснован выбор подхода, а также детально описаны определение и типология фразеологизмов, которые будут использованы во второй и третьей главе для выделения фразеологических единиц песен «Кодзики» и «Нихон Сёки».

Во второй главе «Фразеологизмы в песнях «Кодзики»» рассматриваются временные рамки исследования, анализируется язык написания нарратива и песен двух первых письменных памятников древнеяпонского языка, «Кодзики» и «Нихон Сёки», выделяются, типологизируются структурно и семантически фразеологические единицы песен «Кодзики».

Определяя временные рамки исследования, необходимо упомянуть о том, что под древнеяпонским языком понимается язык японской народности в период примерно с III века по VIII век включительно. О языке древности мы можем судить в основном по древним литературным памятникам, песенным сборникам и зафиксированным письменно официальным указам, дошедшим до наших дней. Таких памятников, относящихся к VI-VII векам, осталось немного, что касается III-V вв., то памятники данного периода практически отсутствуют. Гораздо больше разнообразных текстов было создано в VIII веке. Первыми и наиболее значительными японскими памятниками являются: «Тайхо:рё:» («Свод законов Тайхо:», 702 г.), «Кодзики» («Записи деяний древности», 712 г.), «Фудоки» («Описание обычаев земель», 713-735 гг.), «Нихон Сёки» (или «Нихонги», «Анналы Японии», 720 г.) и «Манъё:сю:» («Собрание мириад листьев», 2ая половина VIII в.). Европейские ученые перевели с комментариями на английский язык: «Кодзики» (Б. Чемберлен, 1882 г. и Д. Филиппай, 1968 г.), «Нихон Сёки» (У. Астон, 1896 г.) и «Манъёсю» (Д. Пирсон, 1929-1965 гг., Александр Вовин, 2009 г.). Наиболее современная, 2007 г., полная антология японской литературы на английском языке под редакцией Харуо Сиранэ, «Traditional Japanese Literature. An anthology, beginnings to 1600 », опирается на переводы, выполненные ранее указанными авторами, как например, Д. Филиппай.

На русский язык полностью переведены «Манъёсю» (А.Е.Глускина, 1-3 тт., 1970 г.), «Кодзики» (частично Н.И. Фельдман и Г.О. Монзелер; Е.М. Пинус, Л.М. Ермакова, А.Н. Мещеряков, 1995 г., частично Г.О. Монзелер и И.А. Боронина в 1997г.), «Нихон Сёки» (Л.М. Ермакова, А.Н. Мещеряков, 1997 г.), «Тайхорё» (частично Н.И. Конрад; К. А. Попов, 1985 г.), «Фудоки» (К.А.Попов, 1967 и 1969 г.).

Рассматриваемые в данной работе древние песни *kodai kayo*: переложены на современный японский язык и прокомментированы в работах Цутихаси Ютака (в рамках серии 日本古典文学体系) и Аисо Тэйдзо, перевод всех

песен «Кодзики» и «Нихон Сёки» на английский язык содержится в антологии Эдвина Крэнстона, 1993 г., «A waka anthology. Volume one: The Gem-Glistening Cup». На отличительных особенностях древних песен мы остановимся подробнее ниже. В данной работе мы использовали чтение песен в ромадзи, предложенной Эдвином Крэнстоном, которое отличается от чтений Д. Филиппая и Цутихаси Ютака. Для пословного перевода песен использованы работы Цутихаси Ютака.

Необходимо более подробно остановиться на различных типах романизации текстов песен, используемых авторами. Соня Арнцен в своем исследовании – комментарии “The Kagero Diary”, говорит следующее: «...Латинизация фонем древнеяпонского языка представляет собой особую проблему, поскольку фонетическая транскрипция определенных слогов японского языка претерпела значительные изменения с течением времени. В наибольшей степени это касается ряда *ha*, пяти слогам которого は ひ ふ へ ほ, в современном японском языке соответствуют слоги *ромадзи*¹ *ha, hi, fu, he, ho*... Для романизации текстов древнеяпонского языка у исследователя есть три пути. Первый, наиболее удобный и используемый сегодня, это транспонирование слогов древнего языка в их современном прочтении; так, например, лексема あふひ древнеяпонского языка будет записана *ромадзи* в соответствии с современным прочтением фонем и лексема будет выглядеть как *aoi*. Второй путь состоит в том, чтобы использовать систему романизации на основании попыток исследователей – лингвистов восстановить фонетическую систему древнеяпонского языка. В таком случае, уже рассматриваемая выше лексема, будет иметь запись *aFuFi*, где заглавная *F* используется для обозначения предположительной составляющей начальной фонемы где-то между *f* и *h*. Третий метод, впервые замеченный в работах Джошуа Мостоу, состоит в литературном транскрибировании фонем в их современном звучании так, как предлагается в транскрипции Хэпбёрна, и тогда наш пример будет выглядеть как *afuhi*...” [The Kagero diary 1997: xii]. Мы уже говорили, что использовали здесь записи песен в *ромадзи* из антологии Эдвина Крэнстона, который в свою очередь пользовался третьим способом *романизации*, описанный Соней Арнцен. Таким образом, при переводе и анализе текстов песен в работе используется транскрибирование фонем в их современном звучании так, как предлагается в транскрипции Хэпбёрна². В работе также иногда используется запись сочетаний древнеяпонских песен русскоязычной системой Поливанова³. Приводя конкретный пример используемой транскрипции, хотелось бы

---

¹ Ромадзи – совокупность систем транслитерации японской письменности, созданных для записи лексем японского языка латиницей.

² Транскрипция Хэпбёрна – наиболее распространенный набор правил для транскрибирования японского языка при помощи латинского алфавита.

³ Система Поливанова – транскрипционная система записи японских слов кириллицей, разработанная российским востоковедом Евгением Дмитриевичем Поливановым в 1917 г.

остановится на таком знаке японской слоговой азбуки как $\curvearrowright$. В латинской транскрипции слогофонеме японского языка $\curvearrowright$ соответствует транскрипция *tsu*, что, в свою очередь, соответствует *цу* в «поливановской» транскрипции.

Письменность древнеяпонского языка также несет в себе особенности и специфические черты, о чем необходимо кратко упомянуть. Согласно традиционному изложению фактов исторического формирования японской письменности, письменность не была известна в Японии до знакомства японцев с китайскими книгами, в частности, Инобэ но Хиронари в предисловии к *古語拾遺 Kogoshui*: «Собрание упущенных прежде речений» 807 г. «...Насколько я слышал, в древние времена букв не было и прежде чем люди начали записывать то, что говорилось, происходило или возможно было происходить, все передавалось из уст в уста, неважно богат ты или беден, стар или еще мал...» [Горегляд 2001: 79].

Мы видим в древней Японии эпохи Нара три системы записи, сосуществовавших одновременно: система китайского письма - *камбун*, система смешанного письма - *хэнтай камбун* и система японского письма - *вабун*. *Камбун* – подсистема иероглифики китайского языка, использовавшаяся в ее смысловом значении. Употребление термина *камбун* подразумевает форму письменности, в которой китайские иероглифы подбираются и используются в соответствии с средствами китайской литературной нормы. *Хэнтай камбун* – это способ записи японских текстов средствами китайского языка, при котором иероглифика адаптирована к особенностям японского языка. *Вабун* представляет собой систему записи текстов иероглифами китайского языка, использовавшимися исключительно в их фонетическом варианте.

Приступая к рассмотрению особенностей отдельных памятников, а именно «Кодзики», который является одним из первых дошедших до нас письменных памятников древней Японии, необходимо сказать, что перед Ясумаро, считающимся составителем «Кодзики», стояла важнейшая и сложная задача – язык «Кодзики» должен был быть простым, относительно разговорным, читаться и пониматься аудиторией как японский. Ясумаро рассматривал написание на *вабун*, но отказался от этого для основного текста памятника ввиду сложной системы записи *вабун* (Записи о деяниях древности 1994: 34).

В итоге выбранный им формат представлял собой преимущественно систему идеограмм с более широким, по сравнению с предыдущими текстами, использованием фонетической транскрипции [Seeley 1991: 43]. Таким образом, мы можем говорить о том, что в «Кодзики» представлены три системы записи – введение написано на *камбуне*, так как именно эта часть памятника являлась документом, который представлялся формальным и был адресован императору [Черевко 2004:33], основной текст памятника написан смешанным стилем *хэнтай камбун* и, наконец, песни «Кодзики»

записаны с использованием иероглифов в качестве фонетических оболочек, *стилем вабун*.

В рамках данной работы, насколько позволит нам объем исследования, будут проанализированы 古事記歌謡 Kojiki kayo: («Песни записей о деяниях древности») – 112 песен «Кодзики». Некоторые комментаторы предпочитают рассматривать 113 песен. На сегодняшний день существует множество комментариев как полного текста «Кодзики», так и отдельно песен. Например, 日本古典文学大系 Nihon Koten Bungaku Taikei (издательство «Иванами», 1957 г.), содержит и трактовку песен, и комментарии к ним Цутихаси Ютака и трактовку, и комментарии Курано Кэндзи ко всему тексту «Кодзики». Другим фундаментальным и авторитетным изданием является серия 日本古典文学全集 Nihon Koten Bungaku Zenshu (издательство «Сёгакукан», 1973 г.), содержит комментарии «Кодзики», сделанные Огихара Асао. Существуют и другие, не менее серьезные издания комментариев «Кодзики» на японском языке, которые мы здесь не упоминаем в силу того, что ограничены рамками песен. Как уже упоминалось выше, комментаторы «Кодзики» придерживаются различных мнений касательно количества песен памятника: Цутихаси говорит о 112 песнях, в то время как Огихара и Курано, упоминают 113 песен. Данное разночтение возникает с самых первых песен из серии божественных – Цутихаси говорит о песнях 3 и 4, в то время как Курано считает их одной песней 3.

В рамках данного исследования мы использовали в основном фундаментальный труд Цутихаси Ютака 古事記歌謡注釈 Kojiki Kayo:Chu:shaku. А так же новейшее издание комментариев к «Кодзики» 口語訳古事記 Kogoyaku Kojiki. Для разъяснения трактовки выражений использованы словари 時代別国語大辞典 Jidaibetsu Kokugo Daijiten и 歌詞うた枕大辞典 Utakotoba Utamakura Daijiten.

Подавляющее большинство фразеологизмов песен «Кодзики» относится к столь замечательному явлению японской литературы как *макура-котоба*. Поскольку *макура-котоба* является специфическим литературным приемом, которому сами японцы приписывают связь с религией и верованиями, о чем речь пойдет ниже, мы не можем не сказать несколько слов о нем, так как многие из рассматриваемых сочетания являются именно *макура-котоба*⁴.

Всего в текстах песен «Кодзики» было выделено 28 фразеологизмов, из которых десять сочетаний – идиоматически неустойчивы, восемь – идиоматически устойчивы и восемь – неидиоматически устойчивы. Например, идиоматически неустойчивым выражением песен «Кодзики» является сочетание в песне 24 (24 – 4) 1)都豆良 2)佐波 3)麻岐 1)Tsuzura 2)Sawa 3)Maki 1)Плюща 2)Много 3)Навито

---

⁴ Макура-котоба – специфический прием японской поэтики, когда определенные словосочетания выступают в роли постоянного эпитета, сложного зачина или постоянного сравнения.

Цудзура – сущ. – плющ

Сава – нареч. - много

Маки – глаг. – обворачивать

Плющ *цудзура* использовался для обертывания колчанов стрел и ножен мечей. Считалось, что это красиво, т.е. плющ использовался для украшения элементов быта и одежды [Цутихаси 1979:110]. Много плюща навито, поэтому красиво и престижно. Все выражение имеет значение *красивый, дорогой*, которое невыводимо из компонентов словосочетания *много плюща навито*, а, следовательно, мы можем говорить об идиоматичности данного выражения.

Впервые выражение встречается в данном значении в песнях «Кодзика» и не обладает устойчивостью. Однако рассматривая его функционирование в последующих источниках, сочетание можно будет отнести к идиоматически устойчивым.

Лексема *tsudura* *плющ*, кроме рассматриваемого сочетания не встречается. Наречие *sawa* *много* встречается в песне одиннадцать два раза, глагол *taki* *обертывать, заворачивать* используется в песнях 2, 3, 6, 99. Идиоматичностью обладает только рассматриваемое сочетание благодаря создаваемому образу, имевшему определенную оценку для жителей древней Японии.

Что касается семантики данного фразеологизма, то выражение относится к этноспецифическому концепту⁵ растений.

Вьющиеся многолетние растения с зелеными ветвями, верхушечными опушенными или голые, старые частично опушенные. Листья несколько щитовидные. Листовая пластинка обычно овальная к стреловидной или продолговатой, в основании сердцевидная, усеченная или округлая, цельная, на конце заостренная.

В «Энгисики»⁶ используется выражение *цудзура хако* «коробка из плюща», кроме этого *цудзура* использовался для обертывания колчанов стрел и ножен мечей, в основном для улучшения внешнего вида. Все выражение имеет значение «красивый, дорогой», которое невыводимо из компонентов словосочетания

Таким образом, мы можем говорить о том, что денотативный компонент значения состоит в понятии красоты и роскоши, в то время как сигнификативный связан с описанием определенного вида растения. Коннотация по-

---

⁵ Этноспецифические концепты – «Концепты – это ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта. Типизируемость этих единиц закрепляет представления в виде различных стереотипов, их осознаваемость дает возможность передать информацию о них другим людям, их значимость закрепляет в индивидуальном и коллективном опыте важные (и поэтому эмоционально переживаемые) характеристики действительности» [Карасик, Прохвачева 2005: 8]. Этноспецифическими концепты являются в случае обладания своеобразным культурным качеством, мыслимыми представителями определенного этноса, как отдельное.

⁶ Энгисики (Уложения годов Энги) – сочинение датируемое 927 г., состоит из 50 свитков. Текст “Энгисики” представляет собой конкретизацию законодательного свода «Ёро рицурё» и указов императора.

ложительна, стилистически передается красота предмета и таким образом произносится похвала хозяину оружия.

К идиоматически устойчивым сочетаниям песен «Кодзики» относится сочетание из песни 28 1)多迦比迦流 2)比能美古 1)Takahikaru 2)Hi no miko 1)Сияющий высоко 2)Сын солнца

Така – прилагательное – высокий

Hikaru – глагол – сверкать

Hi – существительное – солнце

Miko – существительное – сын

Устойчивое выражение, встречающееся только в песнях «Кодзики» пять раз. Хвалебная формула, воспевающая императора. Использована в песнях №№ 28, 47, 72, 100, 101 – выражение устойчиво. Служит *макуракотаба* к называнию императора. Поскольку здесь сама лексема *император* не присутствует, возможно, влияние веры в *Котодама*, когда запрещенные слова заменялись другими, описательными. Выражение обладает идиоматичностью, поскольку значение *император* невыводимо из составляющих сочетание элементов.

Лексема *така высоко* используется в своем прямом значении в песнях 7, 60, 67, 68. Глагол *Hikaru сверкать* вне контекста рассматриваемого сочетания в песнях «Кодзики» не употребляется. Лексема *Hi солнце* употреблена в песне 3. Существительное *Miko сын* использовано в песнях 3, 73, 109.

Таким образом, во второй главе были выделены фразеологические сочетания песен «Кодзики» на основе описанных выше признаков идиоматичности и устойчивости. Всего в текстах песен «Кодзики» было выделено 28 фразеологизмов, из которых десять сочетаний – идиоматически неустойчивы, восемь – идиоматически устойчивы и восемь – неидиоматически устойчивы. Выделенные единицы были сведены по типам и разделены по семантическому признаку в группы этноспецифических концептов.

В третьей главе «Фразеологизмы песен «Нихон Сёки»» были рассмотрены особенности функционирования фразеологических единиц в песнях памятника.

Через восемь лет после «Кодзики» появился еще один письменный памятник, в который вошли, в том числе, и мифы первого памятника [Колпакчи 1945:134]. В 720 г. коллегия под руководством принца Тонэри (676-725 гг.) завершила составление «Анналов Японии» («Нихон Сёки» или «Нихонги»).

Классической является точка зрения, что «Нихон Сёки» написан на чистом китайском языке, бывшем в то время языком межгосударственного общения народов Дальнего Востока, поскольку, по большому счету, данный документ был составлен в основном для того, чтобы показать другим государствам, главным образом Китаю, каких успехов достигла Япония в заимствовании культуры этой страны. Однако в отличие от китайских хро-

ник, повествующих о разных хронологически сменявших друг друга династиях, правивших в определенное время в определенной зоне страны, пафос японского памятника — рассказ об одной, вечной и бессменной династии, происшедшей от богов и отождествляемой с понятием страны и государства («Анналы Японии» 1997, т.1: 8).

Что касается стиля написания «Нихон Сёки», то песни памятника, также как и в «Кодзики», записаны фонетически, то есть написаны с использованием стиля *вабун*. Однако здесь необходимо заметить, что в «Кодзики» для записи одного знака в различных случаях используется один и тот же иероглиф, в «Нихон Сёки» в подобных ситуациях присутствует омофония, когда в некоторых случаях для записи одного и того же знака используется несколько иероглифов с одним и тем же звучанием, а иногда и целый омофонический ряд. Список фонетиков, использованных в песнях «Нихон Сёки», создан исследователем Ооно. В любом случае, в независимости от способа написания нарратива, песни «Нихон Сёки», также как и песни «Кодзики» записаны на вабуне, отражают верования, обычаи и традиции древней Японии.

Для фразеологизмов песен «Нихон Сёки» мы применили ту же типологию, что и для фразеологизмов песен «Кодзики».

Идиоматически устойчивые сочетания представляют собой самый многочисленный тип фразеологизмов в песнях «Нихон Сёки». Например, в песне 35 (35; 11-12) 1) 彌菟遇利能 2) 那伽菟曳能 1) Mitsuguri no 2) Naka 1) Из трех орехов 2) Средний

Песня использована идентично песне «Кодзики». В «Кодзики» для записи использованы иные иероглифы. Структура сочетания претерпела незначительные изменения: отсутствует указательное местоимение *sono*, а также частица *tsu*, что может свидетельствовать о тенденции к некоторому упрощению. Сохранится ли эта тенденция, покажет дальнейший анализ сочетания в «Манъёсю». Смысл сочетания идентичен. Исходя из контекста песни – Лучшее – самая серединка. Сочетание обладает идиоматичностью, поскольку значение «лучший, самый» не выводимо из значения «...из трех орехов средний...», поэтому мы можем говорить о том, что при переводе выражению необходим переводной эквивалент. Сочетание обладает некоторой устойчивостью, поскольку в этом же значении оно употреблено в песне 43.

Числительное *mitsu tri*, также как существительное *kuri opex* вне контекста рассматриваемых двух песен не употребляется. *Naka середина* употребляется в своем прямом значении в песнях 25, 74, 99.

Составляющие сочетание лексемы вне рассматриваемого случая не использованы.

При рассмотрении фразеологизмов песен «Кодзики» мы выяснили, что направленность и характер песенного языка подразумевает использование метафор, с помощью которых часто создаются новые языковые значения,

примеры чего мы можем увидеть и на материале идиоматически неустойчивых сочетаний песен «Кодзики». Эта тенденция прослеживается и во фразеологизмах песен «Нихон Сёки», однако здесь мы можем говорить о некоторой устойчивости выделенных сочетаний, поскольку они встречаются уже в двух памятниках без изменения контекста и значения.

Проанализировав типологию песен «Нихон Сёки» мы можем говорить о том, что несвободные сочетания, не имеющие признаков устойчивости, выделенные нами в песнях «Кодзики» используются в подобных значениях в песнях «Нихон Сёки» и таким образом приобретают тенденцию к формированию устойчивости, что мы сможем наблюдать и в дальнейшем на примере более поздних памятников. Некоторые выражения, количество которых невелико, встречаются в песнях «Нихон Сёки» впервые и не обладают устойчивости, поэтому одной из задач дальнейшей работы является проследить их развитие на примере сочетаний песен древних «Фудоки» и «Манъёсю».

Рассмотрев структуру фразеологизмов «Нихон Сёки» мы можем говорить о том, что выделенные словосочетания во многом имеют идентичную фразеологизмам песен «Кодзики» структуру несмотря на отличное использование иероглифов для фонетической записи.

Устойчивых формул немного, даже сравнительно с идиоматическими. В основном, это хвалебные формулы, возносящие императора, то есть устойчивы узуально. Например, в песне 63 (63; 1-2) 1)夜輸瀾始之 2)和我於朋枳瀾波 1)Yasumishishi 2)Wa ga o:kimi ha 1)Правящий с миром 2)Наш государь. Данное выражение является хвалебой формулой, воспевающей императора. Использована в песнях «Нихон Сёки» №№ 76; 1-2, 97; 19-20, 102; 1-2. Исследователи считают, что *Yasumishishi* служит *макура-котоба* к сочетанию *Wa ga o:kimi*. В качестве устойчивой формулы должно рассматриваться целиком. Выражение устойчиво, однако, не имеет признаков идиоматичности. Глагол *yasumishishi* *мирно правящий* не употребляется вне рассматриваемого контекста. Поле употребления личного местоимения *wa* и падежного показателя *ga* мы рассматривали выше. Прилагательное *O*: употребляется в прямом значении в песнях 11, 60, 61, 63, 88, 104. Лексема *kimi* *государь* употребляется множество раз в песнях «Кодзики» в песнях 8, 29, 51, 57, 65 и т.д. Интересно, что во многих случаях существительное *kimi* *государь* употребляется вместе с прилагательным *oo* *большой*:. Таким образом, сочетание *правлящий мирно* предсказывает употребление *великий господин*.

Проведенная типология показала наличие трех типов фразеологических сочетаний в песнях «Нихон Сёки»: идиоматически устойчивые, идиоматически неустойчивые и неидиоматически устойчивые. В текстах песен «Нихон Сёки» был обнаружен 21 фразеологизм, из которых пять сочетаний идиоматически неустойчивы, десять – идиоматически устойчивы и шесть – неидиоматически устойчивы. Тип идиоматически устойчивых сочетаний

является в «Нихон Сёки» преобладающим в отличие от фразеологизмов песен «Кодзики», что объясняется тем, что большинство идиоматически неустойчивых сочетаний песен «Кодзики», приобрели некоторую тенденцию к устойчивости в песнях «Нихон Сёки» и отнесены нами к типу идиоматически устойчивых. Новые, идиоматически неустойчивые, сочетания наиболее близки по своей форме такому литературному тропу, как метафора или метонимия, что во многом мотивировано спецификой песенного языка. Структурный анализ фразеологизмов песен «Нихон Сёки» показывает, что им, также как и фразеологизмам песен «Кодзики» присуща некоторая вариантность. Основной корпус фразеологии песен «Нихон Сёки» составляют многослойные сочетания. Многие идиоматические и устойчивые сочетания относятся к литературному приему, известному как *макуракотоба*. Устойчивые формулы представлены в песнях «Нихон Сёки» более разнообразно. В будущей перспективе, при анализе выражений «Фудоки» и «Маньёсю», мы сможем увидеть развитие и закрепление устойчивости выделенных сочетаний.

То есть для песен «Нихон Сёки» характерны многослойные, в некоторых случаях вариативные, идиоматически устойчивые и неидиоматически устойчивые выражения, с четко просматриваемой метафоричностью образа.

Фразеологические сочетания песен «Нихон Сёки» можно отнести к тем же семантическим группам явлений природы, птиц, растений и табу, что и фразеологизмы песен «Кодзики», которые имеют четко прослеживаемую связь с древними культами и верованиями.

По сравнению с песнями «Кодзики» во фразеологизмах «Нихон Сёки» более широко представлена группа сочетаний с семантикой предметов быта. Появляются фразеологизмы с указанием суеверий, имеющих китайскую этимологию, что может быть объяснено отличной от «Кодзики» целевой аудиторией письменного памятника, о чем говорилось на стр. 21.

Комплексное исследование идиоматических и устойчивых сочетаний 239 песен «Кодзики» и «Нихон Сёки» дает возможность сделать следующие выводы:

Исследования в области фразеологии, ее истории охватывают широкий круг вопросов, связанных с возникновением устойчивых фразеологических сочетаний, их развитием, классификацией, семантикой и прагматикой, функционированием. Изучение японских фразеологизмов представляется трудной задачей еще и потому, что для их анализа исследователь должен работать с существовавшим начиная с эпохи древности письменным языком – *камбуном*, в основе которого лежит классический литературный китайский язык – *вэньянь*. Именно на камбуне написан нарратив литературных памятников 8 века «Кодзики» и «Нихон Сёки», песни же памятников, написанные на вабуне, стали источниками материала для анализа устойчивых словосочетаний в настоящей диссертации. Проведен-

ное исследование становления японской фразеологии в историческую эпоху, датированную написанием этих двух литературных памятников (период Нара по японской исторической хронологии), позволяет сделать следующие выводы:

1. Проанализировав литературу по проблемам фразеологии и рассмотрев историю фразеологии как науки и различные подходы к определению понятия фразеологизма и путей его функционирования, можно говорить о том, что в настоящее время существуют различные подходы к определению предмета фразеологии как науки. Безусловно, общий компонент и в дефинициях центральной фразеологической единицы, и в определении границ фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины, присутствует в работах, выполненных в рамках разных школ и направлений, но все же различия между ними остаются достаточно существенными. Отчасти это можно объяснить и тем, что фразеология – наука сравнительно молодая, сложившаяся в отечественном языкознании только в начале прошлого столетия. Так, например, «русская фразеология» насчитывает несколько фразеологий с различными предметами рассмотрения. Например, В.В. Виноградов указывал воспроизводимость основной отличительной особенностью фразеологизмов, В. Л. Архангельский выделял семнадцать признаков фразеологизмов, на их основе строя свое определение данных словосочетаний.

Это, с одной стороны, затрудняет исследование, посвященное фразеологии, но, с другой, предоставляет некоторую свободу действий и выбора при выработке исходных теоретических положений и формировании исходной теоретической базы. В рамках данной работы, рассмотрев значимые подходы к определению фразеологии, мы остановились на определении и классификации, предложенной И. А. Мельчуком, которая помогла показать функционирование фразеологизмов в рассматриваемых источниках наиболее полно, поскольку данное автором определение затрагивает в поле фразеологизма все сочетания, от устойчивых до центральных в поле идиом. Понимая под фразеологизмом несвободное сочетание полнозначительных слов, обладающих признаками идиоматичности и устойчивости, в работе предпринята попытка выявить в текстах литературных памятников «Кодзики» и «Нихон Сёки» те единицы, которые отвечают критериям идиоматичности и устойчивости и сделана их классификация. Сочетание является идиоматичным, если и только в него входит хотя бы одно такое слово, которому при переводе сочетания в целом пришлось бы приписывать переводной эквивалент, возможный для данного слова только при появлении этого слова одновременно со всеми остальными элементами сочетания (в определенном порядке), причем данное слово может встречаться так же и без остальных элементов и имеет тогда другой перевод [Мельчук 1960: 76]. Термин «перевод» понимается в данном определе-

нии в самом широком смысле, не только как перевод с одного языка на другой, но и как синонимические замены в одном языке. Устойчивость сочетания относительно данного элемента - вероятность, с которой данный элемент предсказывает совместное появление в определенном порядке остальных элементов рассматриваемого сочетания. Также устойчивость сочетания – это устойчивость сочетания относительно элемента, имеющего наибольшую устойчивость [Мельчук 1960: 76].

2. Опираясь на указанные выше признаки идиоматичности и устойчивости, был составлен список единиц, выделенных из текстов «Кодзики» и «Нихон Сёки», отвечающих этим критериям. Всего было выделено 26 фразеологизмов в текстах песен «Кодзики», из которых одиннадцать сочетаний – идиоматически неустойчивы, восемь – идиоматически устойчивы и семь – неидиоматически устойчивы. В текстах песен «Нихон Сёки» было обнаружено 21 фразеологизм, из которых пять сочетаний идиоматически неустойчивы, десять – идиоматически устойчивы и шесть – неидиоматически устойчивы. Итого в текстах двух первых памятников письменности древней Японии было выделено 47 фразеологизмов, принадлежащих к трем типам: идиоматически неустойчивые, идиоматически устойчивые и неидиоматически устойчивые. Некоторые фразеологизмы использованы в песнях обоих памятников без особых изменений формы и смысла. Каждое выражение было проанализировано структурно и семантически.

3. Рассматриваемая эпоха несет в себе два существенных фактора для японской культуры, которые выходят на передний план и оказывают определяющее влияние на дальнейшее ее развитие. Первым мы можем определить систему письма, а именно, *вабун*, вторым – комплекс древних верований. Как показал проведенный структурный и семантический анализ выделенных словосочетаний.

4. В рассматриваемый период был выработан особый способ передачи японского текста при помощи иероглифики. Иероглифы при таком способе записи употреблялись в качестве фонетиков, либо использовались как идеограммы. Система записи японских текстов полностью знаками китайской письменности с соблюдением китайских синтаксических и грамматических правил носит название «камбун». Одновременно, тексты или же их части могли быть записаны по правилам китайской письменности, но с вкраплениями грамматических или же синтаксических правил японского языка, которая имела название «хэнтай камбун». И, наконец, песни внутри первых памятников записывались знаками китайской письменности исключительно в их фонетическом значении. Такой способ записи в рассматриваемую эпоху назывался «вабун». Таким образом, можно говорить о том, что в рассматриваемый период сосуществовали три системы письма.

Несмотря на то, что большая часть текстов рассматриваемого периода была записана на китайском языке, мысли и чувства, выраженные в этих работах, принадлежат авторам. Более того, источники и материалы для написания данных работ основываются на природе Японии и японском социуме. Поэтому вне всяких сомнений японская поэзия и проза, написанная на китайском языке, является все же японской и занимает свое место в истории японской литературы.

5. Проведенная типология показала наличие трех типов фразеологических сочетаний в песнях «Кодзики»: идиоматически устойчивые, идиоматически неустойчивые и неидиоматически устойчивые. Причем наиболее разнообразны идиоматически неустойчивые сочетания, они наиболее близки по своей форме таким литературным тропам, как метафора и метонимия, что во многом мотивировано спецификой песенного языка. В классическом понимании, не акцентируя внимание на когнитивной интерпретации определения метафоры, метафора – это «...фигуральное употребление слов, которое не предоставляет новой информации». (Paul Ricoeur, 75). Метафорическое значение сохраняется во фразеологизме и отражает процесс перехода образа во фразеологизм, где образ теряет свою новизну и неожиданность и становится привычным способом выражения в языке. Поскольку песни «Кодзики» являются первым дошедшим до нас письменным памятником японского языка, мы не видим здесь идиом в классическом их понимании – идиоматические выражения еще не обладают устойчивостью. Структурный анализ фразеологизмов песен «Кодзики» показывает, что уже в первом источнике, где фразеологизмы зафиксированы впервые, им присуща некоторая вариантность. Основной корпус фразеологии песен «Кодзики» представляют многослойные выражения. Многие идиоматические и устойчивые сочетания относятся к литературному приему, известному как *макура-котоба*. Устойчивые формулы крайне немногочисленны. Однако при диахроническом анализе мы сможем проследить изменение выделенных сочетаний. Для песен «Кодзики» характерны многослойные, в некоторых случаях вариативные, идиоматически неустойчивые и неидиоматически устойчивые выражения, с четко просматриваемой метафоричностью образа. Образы фразеологических сочетаний по своей семантике можно свести в определенные группы, которые в рамках «Кодзики» наиболее ярко представлены семантическими группами явлений природы, птиц, растений и табу, что обусловлено сильным влиянием на древнюю поэзию культов и верований того времени.

6. Многие из рассмотренных и проанализированных выражений определены как идиоматически неустойчивые сочетания, или, в своем роде, метафоры. Например, лексема *нубатама* (песни Кодзики №№3,5 и Нихон Сёки № 81), в рассматриваемых памятниках употребляется для обозначения

ния чего-то темного, темноты, ночи. *Тама* – тот же корень, что и дух, душа – *тамаси*, таким образом, *нубатама* понимается исследователями еще и как «черный дух». Одновременно *нубатама* – это плод белямканды, травянистого, декоративного растения, называемой также ирисом черноягодным. Подобная характеристика применима и к другим фразеологизмам древних памятников. Например, тоже самое мы можем сказать о сочетании *вакакуса но цума жена – молодая трава* или же *окицу тори муна миру токи как птицы прибрежные глядя себе на грудь*.

7. В песнях «Нихон Сёки» идиоматически устойчивые сочетания встречаются чаще, чем в песнях «Кодзики», поскольку многие идиоматически неустойчивые сочетания песен «Кодзики» используются в песнях «Нихонсёки» вновь, что дает нам повод рассматривать определение некоторой тенденции к устойчивости. Напротив, некоторые выражения, определенные нами как идиоматически устойчивые в песнях «Кодзики» не встречаются в песнях «Нихонсёки», как, например, 和加久佐能都麻 (Кодзики, 5-47, 48) *Wakakusa no tuma* - Жена - молодая трава. Будущая работа по анализу следующих памятников, таких как Фудоки и Манъёсю, покажет, случайно или закономерно это явление.

8. Фразеологические сочетания песен «Нихон Сёки» можно отнести к тем же семантическим группам явлений природы, птиц, растений и табу, что и фразеологизмы песен «Кодзики», которые имеют четко прослеживаемую связь с синтоизмом и древними культами и верованиями. Л.М. Ермакова в своей книге «Речи богов и песни людей» говорит следующее: «...Поэзия «Кодзики» и «Нихонсёки» не представляет собой самостоятельного носителя смысла, независимо от других форм освоения мира: поэзия вплетена в ритуал (многие песни, как видно из текста, составляют часть ритуального действия, сопровождаемого танцами и музыкой) и прочно сцеплена с прозаическим повествованием. Вследствие этого анализ поэзии невозможен без учета широкого контекста ее бытования. Ввиду недостаточности сведений о зрительной его стороне, наше понимание поэтического текста неизбежно ограничено. Всегда являющаяся прямой речью конкретных героев повествования, поэзия выделяет ритуальную ситуацию – сватовство, свадьбу, пир, похороны и т.д...» [Ермакова 1995 : 66].

9. Выделенные в песнях «Кодзики» три типа фразеологизмов, в основном, продолжают свое существование в следующем литературном памятнике, «Нихон сёки». При этом многие идиоматически неустойчивые сочетания песен «Кодзики» обнаруживают некоторую тенденцию к устойчивости в песнях «Нихон сёки». Семантически для фразеологизмов обоих памятников характерны определенные группы, тесно связанные с существенным влиянием древних культов и верований. Во фразеологизмах «Нихон сёки»

семантических групп становится больше благодаря культурной и религиозной эволюции.

10. В данной диссертации сделан первый шаг к исследованию ранних фразеологизмов японского языка - проанализированы первые письменные памятники древней Японии. Анализ рассмотренного в работе материала в рамках структурно-семантического подхода показал, как происходил процесс формирования критериев устойчивости и идиоматичности в ранних японских фразеологизмах. Проследить их дальнейшее развитие – перспективная задача будущего исследования фразеологизмов на материале последующих литературных памятников - «Фудоки», «Манъёсю», «Кокинвакасю» и «Синкокинвакасю», в том числе и в рамках когнитивного подхода, который открывает перспективы раскрытия взаимосвязей между значениями языковых единиц (фразеологических в том числе), культурой и познавательной деятельностью человека.

Основные положения и результаты диссертационного исследования изложены в следующих публикациях:

1. Лебедева Е.Н. О некоторых аспектах истории развития пословиц и поговорок в японском языке// Русский язык в системе межкультурной коммуникации. Сборник материалов межвузовской научной конференции. – Хабаровск: Изд-во ДВГГУ, 2007. – С. 34-39
2. Лебедева Е.Н. Из истории фразеологии японского языка// Актуальные проблемы востоковедения. Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции. – Хабаровск: Изд-во ДВГГУ, 2008. – С. 33-39
3. Левченко Е.Н. О семантике фразеологизмов древнеяпонского языка (на примере фразеологизмов песен «Кодзики»)// LESEWA 2012. Сборник материалов международной конференции по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. М.: ИСАА МГУ, 2012. – С.142-151

В том числе в ведущих рецензируемых журналах ВАК:

1. Лебедева Е.Н. Письменность древнеяпонского языка в общем контексте истории японского языка// Вестник Иркутского Государственного Лингвистического Университета. Серия Филология. – Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2010. – С.118-123